

ВЕРНОСТЬ

МОСКОВСКИЕ ГАСТРОЛИ

Молдавский драматический театр «Лучафэрул» — из числа тех коллективов, для которых пятнадцать лет работы не означают расставания с молодостью, но при этом дают настоящую зрелость. «Лучафэрул» самобытен в глубоком в своих спектаклях; его лучшие работы отличаются большой проблематикой, а стиль носит особый характер, который я назвала бы народным. Разумеется, спектакли театра неравноценны. Не случайно, наверное, самым сильным оказался спектакль «Птицы нашей молодости» Иона Друцэ. Эту пьесу отличает глубокое понимание души народа, жизни народа — в самом прямом смысле слова; в ней ошутима и заразительная сила авторской мысли — свойство настоящей поэзии. В постановке пьесы Друцэ мы обнаружили его едновременно и тонким, как же внимательно относящимся к теме народа. Трактовка режиссера Сандры Иона Шкура осветила всю глубину замысла автора.

Благодаря этому историю Павла Русу, создавшего богатый колхоз из деревни по имени Долина Анстов, мы увидели на фоне размышлений о жизни народа Молдавии, ее истории и поэзии. Режиссер у художника приблизил нас к народно-фольклорным образам, открыв поэтический ход к идеям и идеалам, к существенным для человека темам, среди которых так важны природа, земля и труд.

Художник Ион Путо трогает своим представлением о том, как прекрасен человек; желанием убедить, что в красоте человека есть родство с птицей. Это сравнение движимо глубоким и немного востепляющим лирическим чувством. Ведь ворота, которые сделал художник на сцене, — это два крыла авиаста. Их золотистая, соломенная изюмри, фактура наводит на мысль о крыльях деревенского дома. И закрывают они, как и подобает крыльям, тельце авиаста; это сказочный символический авиаст. Даже таинственный — хранитель и добрый друг человека. И потому все остальные образы, с этим символом связанные, напоминают о доме, воде, волюде. Словом, вы с трудом отводите глаза от этого поэтического чуда; к тому же его дополняет превосходная музыка Василе Гоа.

Но как же глубоко эти впечатления, есть в спектакле и самое большое. Это Руца, которую играет Валентина Избешу. Необычное не определялись привычными эпитетами, поэтому позволю себе сказать, что в творчестве Избешу мы как будто сталкиваемся с подлинной, нетронутой природой театра, с глубокой трагической силой искусства. Трагизм актрисы

окрашен мягким светом любви к человеку в того сочувствия к людским страданиям, которое так часто встречается в народном по духу искусстве, поэзии и литературе.

И от «Земли» Иона Подоляну, поставленной тем же Сандры Иона Шкура с глубоким пониманием поэзии и правды народного быта, впечатление остается сильным. Про всех недостатках, которые таит фрагментарность пьесы, этот рассказ о становлении Молдавии после войны поднимает самое главное. Он говорит не только о том, как приходили люди к признанию плодотворности объединения хозяйства в колхозы, но и о том, почему они увидели высокий смысл в признании новой жизни.

Артист Думитру Карачобану с неотразимой убедительностью открыл в душе крестьянина Агаке тоску о жизни, которая выше стыта, и свое спокойное презрение к жадной психологии собственника. Да, у него может поучиться честный, во всяком первом Амиару — В. Константиану. Поймать то, как надо разбираться в людях; а в этом умении была острая нужда в те трудные годы. Как в Руца, Агаке понимает жизнь в ее первоначальных, исходных процессах. Заметьте, что пьеса названа «Земля» — это не случайно. Вы живете на земле, вы боретесь на ней, вы топчете ее в таше, возделываете ее, — как бы говорит спектакль, — подумайте о том, как должна строиться на ней жизнь ваша, по каким принципам общих отношений.

Сююя я называю имя Валентины Избешу — она играет Афтину, бедную крестьянку, отдавшую победу над фашизмом двух сыновей и вопреки свершившемуся все ожидающую встречи с ними. Суть роли в том, что Мать наконец понимает: ее мальчики не вернутся и она напрасно так бережет их пиджаки — они не надедут их к свадьбе — им в своей, ян к жукой. Пораительно ведется сцена, когда рука Афтении разглаживает каждую складочку одежды сыновей, укладывают, старательно, как бы притворяясь их к последнему сву; и, напевая, мать вносит их в свой опустевший дом, как вносила когда-то маленьких детей.

В одном спектакле есть фраза: «Мы многое делаем на сцене внаправду». Так говорит персонаж пьесы литовской писательницы Дале Урявичюте «Палашини ирукши». Режиссер-постановщик Сандры Ион Шкура, очевидно, предполагал придать большое значение этой фразе. Герои

пьесы — актеры; в роли, которые они играют, похожи на них самих. Это не модная «игра в театр». Драматург говорит, что каждый из актеров схож со своим персонажем и биографией, в характером, как реальность схожа с правдивым искусством.

В постановке «Палашини ирукши» разгадан ее большой социальный пафос, ее исторический драматизм — не потому ли, что сам театр верит в реальность воздействия искусства? Думитру Карачобану здесь играет первую скрипку; партитура его роли сложна, потому что ведет нас в душевный мир, покрытый иракром. Его герой хочет быть добрым Палашей для всех, всем оказывает услуги; он помогает нуждающимся, дарит игрушки плачущим детям. Он хочет купить себе прощение за самый страшный грех — измену своему народу, служение фашизму.

Артист не лишает своего Палашу искренности переживания и надежды на возрождение, но вместе с тем с диалектической точностью вводит он в эти чувства и свое понимание невозможности искупления такого прошлого. Нет на свете искупления для тех, кто сториюя пылающего печи Освенцима, Бухенвальда, Перчюписте, Саласпилса, Маутхаузена. Нет такого доброго дела, которое оправдало бы того, кто в мушкетерской полковой сопровождал толпу детей и женщин на страшную казнь.

Палаша привоит несчастных двоих детей, он спас кого-то от гибели — она живет в его доме и едят его хлеб. Но сам в себе этот человек не может найти искупления — вот в чем сила внаправду играющего артиста. Не могут избавиться от ужаса пережитого ни Аня (П. Завтони), которая была врохой на руках матери, ни Гвидас (М. Йорга), который был чуть постарше ее. И к Пани Гете (В. Избешу) не может вернуться свет разума; она умирает, когда видит картину, изображающую ужас массовых убийств.

Художник Николай Адрианый создает живой и глубокий омысленный образ, полный трагической и высокой поэзии: дом волон полотен, неспящих, как будто затуманенных предполагаемыми планами и образами. И только в страшный час разоблачения преступника на полотнах проглядывают лица узников и жертв концлагерей, мучительно глядящих из прошлого...

Конечно, жаль, что не все, показанное в Москве, так же интересно и сильно поставлено, так же тонко и продуман-

но решено. Обидно, когда такие актеры играют без творческого упорства. Да, «Кирица в провинции» — старый спектакль, но он не только стр в неуклюже — он растерял замысел, ради которого была взята пьеса в два талантливых актера — Шкура и Карачобану — а также играть женскую роль.

«Кирица в провинции» убеждает, что актеры «Лучафэрул» могут быть заразительно веселы — особенно С. И. Шкура, П. Завтони, И. Араке-лу и Спиру Харет. Но ведь не надо доказывать, что смех и мысль могут великолепно дополнять друг друга. Хорошо, что режиссер И. Тодоров взял старинную русскую комедию «Недоросль», но только зачем он выдал себе задачу все действительно решить на предельной близости актеров? Свободно движется по сцене только Гришка, да и то в фигуре прилагательного к танцу, особенно мало умственной, когда перед ним Простакова, собирающаяся ему дать трепку за плохо сшитый кафтан. Если искать причину неудач, она — в штампе, заранее заданном стилизованным приемом.

Пятнадцать лет назад родился театр в стенах Московского училища имени Щукина: единый курс, художественным руководителем которого была известная виханговская актриса Анна Орочко. Студенческая труппа сразу воказала себя настоящим, сильным, сильным театром. Театр назвали «Лучафэрул», что значит яркая утренняя звезда. Вспоминается, как написал когда-то о нем с доброй шутливостью Ион Друцэ: «Где-то я видел эти смуглые лица, чем-то родственные мне это своеобразное произношение русских слов... Нет, это не они. Те ребяташки, о которых я помнил, — они ведь хлеще-хлеще испокон веков. Те ребяташки — они удивительно послушны и трудолюбивы, но вместе с тем они так застенчивы, что, пожалуй, померли бы от смущения, если выпустить их вот так, на сцену. Антракт. Зал пуствует, и я вдруг слышу родную молдавскую речь: — Лас, ке мерже... (Ничего, бойдет).

Безе ты мой, это-таки они!» Не сомневайтесь: лучшее в этом театре идет от того, что художником не забыт трудовой образ жизни, любовь к земле, которую он пахал, не отброшены все прекрасные, особые, бесценные качества народного характера — трудолюбивого, серьезного, за все душевно ответственного, знающего жизнь не понаслышке — и скромного. Прав Друцэ. Да, это они, конечно.

Нина ВЕЛЕХОВА.